

Дмитрий Воденников

ВОДЕННИКОВ В ПРОЗЕ

Лучшие эссе

издательство

АСТ

Москва

Содержание

Предисловие	9
--------------------	---

ВОДЕННИКОВ В СТРАНЕ

Россия как тело	15
Бритвы древних славян	23
Вагон набирает ход	28
Камешек под майонезом	33
Фет, плюющий на Университет	37
Зловредство и сиротство	41
Не спать	47
Прыжки на ветхом мосту	52
Следующая станция — конец	56
Время собирать розы	62
Поколения «П»	68
Тарелочки для пайки	73
Балконы большого города	79
Сделайте нам красиво	84

Больше ненависти, господа	88
Как на ладони	93

ВОДЕННИКОВ В ЛЮБВИ

Трактат о поцелуях	101
Запах решает все	111
Смех для греха	116
Влюбленные в ящике	119
Недорисованные	126
В защиту миледи	131
Прости меня, моя любовь	139
Встречи после смерти	149
Недолюбленные, жалкие, смешные	155
Бедные мальчики	161
Паучок-феминист	165
Мужчина как сновидение	171
Рецепт шоколадного фондана	178
Толстей, душа моя	184
Последнее бабье лето	189
Золотой песок старости	193
Исповедь китайского лиса-оборотня	198
Любовь и томографы	209
Тень и запах Эвридики	215
Пожалуйста, не умирай	220
Когда мы отлепимся	225
Секс, который мы потеряли	234
Испытания Казановы	238
Желание конца	244
Любовь как случайная жизнь	248

ВОДЕННИКОВ В СЕБЕ

Приказ свыше	257
В области митохондрии	267
Ужасное за углом	271
Призраки большого города	277
Не верь, не бойся, не проси	290
Ночные голоса	296
Содад	302
Рыжий	306
Анекдот тьмы	319
У той черты	331
Следи, как я исчезаю	335
Проклятие вечной молодости	342
Крики в ночи	347
Безлимитный черный	350
Дай мне имя	355
Бой Чуни с тарусским псом	361
Что люди просят у Бога	368
Колыбельная для Вермеера	373

Предисловие

Однажды я вышел из дома и пошел.
Как Форрест Гамп, который побежал. Никто не знал, зачем он это делает (и я не знаю), но я пошел.

Сперва пять километров, потом десять, теперь, через три года, — десять мне кажутся неудачей. Я прохожу минимум тринадцать. Максимум двадцать два.

Мне открылась Москва, открылись Питер и Париж. Я увидел их совсем иначе.

И кое-что узнал про себя новое.

Больше всего (больше людей, победы и любви) мне нравится пустота.

Мои километры — это именно и есть пустота.

Я как злой просветленный в апреле.

Мне нравится эта пустота. Когда снег уже сошел, сухая земля, сухой асфальт, еще никакие почки не взорвались. Это мое любимое время — было любимым, по крайней мере. Теперь я ничего особенно не люблю, кроме двух-трех человек и победы. И ощущения того, что многое, что нас окружает в этой жиз-

Дмитрий Воденников

ни, — это стихи. Пусть странные, не буквами и не звуками, но стихи.

Я помню, несколько лет назад лежал в полусумеречном состоянии на кровати и вдруг услышал звук: кто-то катался на роликах — шорк, шорк. У меня тихая улица, я это слышал — и меня как будто раскачало. Пришло несколько строк, я подумал: «Боже мой, это же стихи! Они вернулись!» Это ни с чем не перепутаешь: был гул стихов. Я стал писать на каком-то клочке, быстро что-то набрасывать. Знаете, когда я пишу, я быстро это делаю, будто вытягиваю из себя. Было непонятно — то это или не то, но у меня сердце колотилось: неужели они вернулись? Когда ты пишешь — это не самое приятное чувство, тебе плохо.

И — все. На следующий день все мертво, уже ничего не пришло.

А улицы остались.

Когда ты поэт, у тебя есть два состояния. Первое — ты пишешь и мучаешься. Второе — когда стихи уже написаны, ты ждешь, придут ли они снова. Ты не совсем человек. Ты живешь в вечном ожидании прихода стихов. Был такой писатель Андре Жид. И когда лет в 60–70 он стал импотентом, написал: «Я счастлив. Всю жизнь я скакал на скакуне и теперь наконец с него слез». Так и я: в какие-то моменты своей жизни я рад, что слез с этого скакуна, поэзии. Я стал жить.

И глотать пространство и воздух.

Искать надписи.

Оказалось, кто-то пишет на стенах мои стихи. А кто-то просто что-то рисует. Или пишет какую-то странность.

И тогда мои коллекции этих надписей на стенах домов и разные сиюминутные сюжеты стали превра-

щаться в эссе. Иногда они были злободневные, но потом я заметил, что злободневные темы, с которых я начал писать, не могут сравниться с обычными историями из жизни, которые были куда причудливей и интересней и стали складываться в узор, который я сам до конца не мог сперва разгадать. А потом раз — щелчок. И все становится на свои места. И текст живет. Он живой. В общем, на темы актуальные оказалось писать не так интересно, как самому находить сюжет, который потом начинает существовать рядом.

Это не может заменить стихи, но может дать другой способ существования. В прозе. Или в мимикрии под нее. Потому что на самом деле стихи — это тот же узор веток на асфальте, те же безумцы, встреченные на улице, те же оговорки пространства и времени.

Мир куда сложнее, чем мы себе в нашем упрямстве разрешили знать. Мир куда больше наших рифмованных строк.

Иногда что-то главное проваливается мимо них.

И я бы хотел это все, провалившееся, вытянуть.

Вытянуть обратно.

Вот я и тяну.

Эссе публиковались в «Газете.Ru», millionaire.ru, carnegie.ru, журналах «Сноб», Story, «Русская жизнь».

ВОДЕНИКОВ
В СТРАНЕ

Россия как тело

Ты — моя Родина, а я — твой народ. Нет у меня другого дома, кроме рук твоих, нет у меня полей других, кроме твоей груди. И вообще, ты пахнешь яблоками, — говорит.

— Че? — переспрашивает Родина, приставляя ладонку к уху (лодочкой) и делая губы уточкой (потому что маразм). — Ты со мной сейчас разговариваешь?

— Ро-ди-на ты моя! — орет на ухо. — А я — тво-ой на-р-о-о-о-д! Люблю тебя, говорю. И нет у меня других полей, кроме твоей груди, и твоих рек! Яблоками ты пахнешь, старая дрянь!

— А, — удовлетворенно выдыхает «родина» и идет пить кефир.

Потому что это она уже слышала. Не единожды.

...Идет гвардеец, как на битву.
Судьба дрожит, манит — иди!
Шагает он, творя молитву,